

Научная статья

УДК 82-369(089.3)+801.73

doi: 10.17223/22220836/49/4

ДИСКУРС ПУТЕВОДИТЕЛЯ «ГЛОБУС ВЛАДИВОСТОКА»: ШИРОТА КРЫМСКАЯ, ДОЛГОТА КОЛЫМСКАЯ

Лариса Георгиевна Гороховская

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
gorokhovskaya.lg@dvfu.ru*

Аннотация. На примере текста путеводителя рассматривается процесс производства дискурса о городе. Образ города понимается как языковой и социальный конструкт. Анализ проводится путем вычленения двух моделей ментальной карты. Выделены три пространственно-временные сети, предпринят анализ риторических приемов автора. В качестве доминирующей дискурсивной практики определяется сеть парадоксальности, которая является когнитивным фреймом. Проводится аналогия с типовыми моделями «русских разговоров» Н. Рис.

Ключевые слова: дискурс, образ города, ментальная карта, риторические приемы, сеть, фрейм, парадоксальность

Для цитирования: Гороховская Л.Г. Дискурс путеводителя «Глобус Владивостока»: широта крымская, долгота колымская // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 49. С. 44–54. doi: 10.17223/22220836/49/4

Original article

DISCOURSE GUIDE “GLOBE OF VLADIVOSTOK”: LATITUDE CRIMEAN, LONGITUDE KOLYMA

Larisa G. Gorokhovskaya

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, gorokhovskaya.lg@dvfu.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the production of city discourse. The image of the city is regarded as a linguistic and social construct. The source of our study is the book ‘Globe of Vladivostok’ (2010) by journalist Vasily Avchenko. The genre of the book is defined by the author as a ‘short PhraseBook-guide’ or more specifically ‘comments on an unwritten novel.’ The macrostructure of the discourse of the ‘Globe of Vladivostok’ represents dictionary entries (from A to Z) of the most popular urban lexicon in the author’s view.

The study is based on the discursive approach, which is understood as a socially and culturally determined use of language. Discursive analysis is carried out through the study of the process of signifying and building a network of relations/values of the author’s representations of the city image and ultimately identifying the dominant discursive practice. The author also use the actor-network theory (ANT) in the version of J. Law. The study of discourse is carried out using the mapping method. At first for determining mental map of the author of the guide the scheme of K. Lynch is used. Then the approach of S. Milgram is applied. In the discourse structure of the author’s artistic style various discursive genres intertwine, such as documentary-historical, literary, mythologizing and household/stereotypical. But household/stereotypical genre with its inherent techniques of speech occasionalism, expressive emotional vocabulary and irony is predominant. Because of household/stereotypical genre through the translation of background knowledge the pragmatic function of the text is realized.

The use of the actor-network approach allowed us to distinguish three spatio-temporal 'networks' in the image of the city including the network of the past as a 'cosmopolitan city', the network of the present as a 'city of informal economy' and the natural, geo-landscape network as a 'sea of water'.

The specificity of the author's cognitive representation is revealed in the implicitly present fourth 'network' of paradoxicality. 'Life is not-by-the-rules' that weaves together all the previous ones and represents the cognitive frame is the dominant discursive practice of the author. The prevailing rhetorical techniques of ambiguity, hyperbolization and irony perform the same function. The paper raises a research question whether paradoxicality and 'life is not-by-the-rules' is a specific author's style or a typical style of 'Russian conversations'? It is concluded that the representation of paradoxicality may indirectly point to the inherent 'Russian conversation' the discourse of absurdity of the 'Russian world' according to American anthropologist N. Riecke.

This conclusion is confirmed by the prevailing everyday genre in the text of the guide. The frame of paradoxicality as a softened version does not reach 'absurdity', because there is no extreme, pitch in that, but nevertheless contradictoriness as its basis retains.

Keywords: discourse, image of the city, mental map, rhetorical techniques, network, frame, paradoxical.

For citation: Gorokhovskaya, L.G. (2023) Discourse guide "Globe of Vladivostok": latitude crimean, longitude kolyma. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 49. pp. 44–54. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/49/4

Исследование культурного, символического, производства образов, в частности образов города, в последнее время становится одним из трендов в подходах к городской проблематике. Исследовательский интерес к нестрогому понятию «образ города» является междисциплинарным. В зарубежной науке пионером в разработке этого вопроса считают немецкого социолога Г. Зиммеля, понимающего город как совокупность символических пространств [1. С. 23–34]. В отечественной – эта же роль принадлежит Н.П. Андиферову, изучавшему образы Петербурга, основываясь на памятниках русской литературы, и относившему свой труд к истории культуры [2]. В дальнейшем именно это направление – изучение художественного образа города (по текстам литературных произведений) – получило наибольшее развитие. Отдельной ветвью в рамках городской антропологии (этнографии города) представлено исследование локального текста города на примере провинциальных городов России ([3–6]).

Владивосток – молодой город, возраст которого приближается к 160-летию, и его образ не столь широко представлен в литературной среде, но нельзя сказать, что у города нет «летописцев». Одним из них является журналист Василий Авченко. Источником для нашего исследования стало первое издание его книги «Глобус Владивостока» (2010, переиздание 2012, 2015). Авченко – автор и других сочинений о городе: документального романа «Правый руль» (2009, переиздание 2012), киноповести «Владивосток – 3000» (2012, в соавторстве с И. Лагутенко).

Формирование образа города представляется определенным конструктом, в котором отражаются и *аспекты* реальности, учитывающей природно-климатическую логику места, и в то же время образ всегда находится в сфере воображаемого, в сфере субъективных интересов автора – социальных, культурных и др. Отсюда важнейшие черты любого образа – это и репрезентация, и множественность интерпретаций. Структурно образ города включает геоландшафтный, экономико-социальный и историко-культурный аспекты.

Цель статьи состоит в изучении производства дискурса о городе, в изучении процесса выбора значений и именования, поскольку то, что «требуется

способа быть проявленным, получает имя» [7. С. 84]. Дискурсивный подход к тексту понимается как социально и культурно обусловленное использование языка. Образ города как дискурсивная форма будет иметь отличия в репрезентациях СМИ, деятельности политиков, в системе образования или в литературном произведении [8].

Цель работы достигается решением нескольких задач. Во-первых, анализом дискурса-строения, выделением дискурсивных жанров художественного стиля автора. Во-вторых, выявлением соотношения пространственно-временных категорий, характеризующих дискурсивный образ города. В-третьих, изучением специфики авторских репрезентаций, в том числе через изучение риторических приемов, а также определением доминирующей дискурсивной практики.

Кроме дискурсивного подхода к тексту, в работе используется акторно-сетевая теория (ANT) в версии Дж. Ло [9. С. 223–244.]. Акторно-сетевой подход акцентирует равнозначность как материального, так и нематериального в создании и поддержании порядков жизни, все они (материальные объекты, вещи, идеи) создают определенные тактики и стратегии, что выражается в формировании *сети* отношений.

Таким образом, акторно-сетевой анализ позволяет использовать метафору «сеть» как операциональное понятие, применимое к исследованию образа города. Город может быть рассмотрен через сети отношений, формирующие различные городские пространственности. Применяя этот подход к городу, В. Вахштайн замечает, что неподвижность объекта в сетевом (семиотическом, функциональном) пространстве, несмотря на его передвижение в физическом (географическом пространстве), не изменяет ни сути объекта, ни формы пространственности [10. С. 26]. Таким образом, речь идет не об одном образе, а о разных, в зависимости от созданных сетей, которые переформируют его пространственности.

Кроме того, мы рассматриваем путеvodитель «Глобус Владивостока» и как своего рода ментальную/когнитивную карту, как способ репрезентации воображаемого, авторского пространства. Ментальное картографирование предполагает фиксирование индивидуального, субъективного взгляда на объект, это репрезентативная практика как проживаемого, так и воображаемого пространства. Э. Соия (E. Soya) называет эти схемы «городским воображаемым» [11. С. 134]. Мы сочли возможным применить этот метод по причине однопорядковости, однородности функций, выполняемых ментальной картой и текстом путеводителя. И в одном, и в другом случае выделяются значимые городские объекты, определяется их соотносимость друг с другом. Помимо прочего, одной из особенностей картографирования является ее адресованность Другому. Также текстовый формат путеводителя дополнен требуемой для метода визуальной информацией – фотографиями.

Метод картографирования как субъективная форма восприятия пространства возник в географии. Затем он получил распространение в социальной психологии. Как отмечал С. Милграм, ментальная карта – это образ города, в котором локализованы наиболее значимые для человека элементы городской среды, вызывающие эмоции и ассоциации [12. С. 17].

Специфика дискурсивного жанра книги определяется самим автором как «краткий разговорник-путеводитель» с уточнением, что перед нами «ком-

ментарии к *ненаписанному роману*». В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова лексема «разговорник» трактуется как «пособие для общения с иностранцами на определенные, обычно обиходные темы» [13]. По этой причине макроструктура дискурса «Глобуса Владивостока» представляет словарные статьи (от А до Я) наиболее употребляемой, с точки зрения автора, лексики, имеющей отношение к городу.

Другое назначение «Глобуса Владивостока» – быть путеводителем по городу. Как краткое справочное издание, основанное на достоверной исторической информации и содержащее необходимые сведения для путешественников, путеводитель выполняет задачу конструирования городских туристических достопримечательностей [14. С. 78]. Краеведческий жанр путеводителя адресован массовой аудитории, однако автор уточняет, что путеводитель сочинен «для *иноязычных и инопланетных*» по случаю городского юбилея. В изучаемом нами варианте круг достопримечательностей и городской символики определен позицией автора. Так, в путеводителе отсутствует упоминание о многих достопримечательностях, традиционных для туристических изданий, к примеру, в нем нет сведений о городских музеях, храмах, площадях и пр. Кроме этого, в отличие от академического дискурса исторических путеводителей [15], в «Глобусе...» излагаются городские легенды и мифы, некоторые из которых широко известны горожанам, другие же имеют авторское начало. Мифологизирующий дискурс подобного рода сведений выполняет важнейшую функцию локальной идентификации. Отметим особое внимание автора к перечислению литературных имен и событий, происходивших в городе на протяжении всех лет его существования, что вполне объяснимо с позиций социально-семиотического подхода профессиональными интересами журналиста, так как «разные сообщества заселяют свой социальный мир разными именами» [7. С. 84]. Кроме прочего, текст путеводителя содержит немалую долю стереотипных представлений, хорошо известных в повседневном обиходе. Стереотипные представления и городская мифология играют роль фоновых знаний и формируют один из пластов коллективных знаний [16. С. 124]. В доведении до сведения читающей публики именно этих фоновых знаний реализуется прагматическая функция «Глобуса...».

Текст путеводителя примечателен и остроумной авторской интенцией, которая направлена на применение языковой игры путем использования стилистических приемов двусмысленности, буквализации метафоры, речевого окказионализма. Сошлемся на точку зрения Н. Рис, указывающей на остроты как на традиционную форму мужской дискурсивности [17. С. 19].

Таким образом, в строе авторского художественного стиля переплетаются документально-исторический, литературоведческий дискурсы, формирующие интертекстуальность, а также мифологизирующий и повседневно-бытовой дискурсы, относящиеся к фоновым знаниям.

Первоначально рассмотрим текст «Глобуса Владивостока» как своего рода ментальную карту, затем перейдем к дискурсивному анализу через раскрытие процесса означивания и построения сети отношений авторских репрезентаций образа города и в конце – к определению доминирующей дискурсивной практики.

Методологически метод картографирования и соответственно его интерпретации возможен в различных формах: от линейных, схематических карт

(по К. Линчу) до сложных, с выделением «типов доминирующих объектов» (по С. Милграму).

Первоначально выстроим простую линейную карту, используя предложенную К. Линчем схему образа города: пути, границы, узлы, районы, ориентиры [18 С. 28]. То есть по сути речь идет о структуре городского пространства, которое дополняется городскими знаками, символами, приписываемыми этой структуре, что в итоге и формирует специфичность пространственной среды.

Построение ментальной/когнитивной карты «Глобуса...» начинается с городской топонимики. Автор не ставит перед собой цели описать всю городскую топонимику [19], в разговорнике присутствуют только те названия, которые значимы для авторской репрезентации. Текст включает как официальные городские топонимы – бухты, улицы, мысы, так и неофициальные с использованием приемов речевого окказионализма и аббревиации. К примеру, обиходное название жилого района «БАМ» связано не с Байкало-амурской железнодорожной магистралью, а с расположением здесь батальона армейской милиции [20. С. 13]. Кроме неофициальной городской топонимики в тексте присутствуют жаргонизмы-двусмысленности, речевые окказионализмы, характеризующие специфичность городского образа жизни: «бичхолл» – пароходские межрейсовые гостиницы, «киты» – не морские млекопитающие, а китайские гастарбайтеры, «крузак» – национальное владивостокское средство передвижения и т.д. [20. С. 11, 50, 55].

Начинается путеводитель с главы «Американская»: «Так раньше (совсем раньше) называлась в честь пароходокорвета „Америка“ центральная улица Владивостока. Когда в 1873 г. стало окончательно ясно, что она центральная, Американскую переименовали в „Светланскую“ в честь фрегата „Светлана“, на котором незадолго до этого прибыл... великий князь...» [20. С. 6]. Выделяя другие улицы города, В. Авченко почти всегда указывает их исторические названия. Выбирая из множества именовании улицы с определенными названиями – Американская, Пекинская, Китайская, Корейская, Японская, Великорусская – и желая тем самым указать на нетипичный формат городской топонимики, автор задает определенный срез городской пространственности, раскидывает сеть отношений города с другими территориями и странами. Добавим к этому и главы с именованием бухт. Упоминание о бухте Улисс продолжается уточнением с использованием приема гиперболы и иронии: «Соседние бухты носят название из той же древнегреческой оперы – Диомид и Патрокл, а через пролив... располагаются бухты Аякс и Парис (все названы в честь военных бригов). Так что в топонимике Владивостока хватает эпического и даже гомерического [20. С. 113].

Городские районы в «Глобусе...» представлены по их названиям в повседневной жизни горожан (Эгершельд, Тихая, Чуркин, Змеинка, БАМ, Вторяк), об официальном административном делении города упоминается мимоходом. Как незначительные элементы в ментальной карте «Глобуса...» показаны городские границы: главы «Заря» (неофициальная граница, разделяющая город и пригород), «Золотой Рог» и «Остров Русский».

Узлы пространственной структуры в «Глобусе...» представлены главами «36 причал» (место, откуда отходят городские катера и паромы), «Транссиб» и «Зеленый угол». Рассмотрим главу о Транссибе как узле: «Железнодорожная магистраль, завершающаяся во Владивостоке. Согласно установленной на вокзале...

стеле, расстояние от Москвы до Владивостока по рельсам составляет 9 288 км. *Парадокс* в том, что на аналогичной доске, укрепленной на Ярославском вокзале Москвы... значится другая цифра – 9 298. Причем никакой ошибки, утверждают специалисты, нет: в разных направлениях длина Транссиба действительно меняется» [20. С. 108]. Еще один пространственный узел – «Зеленый угол» – определяется автором почти что пафосно, через метафоры «чрево» и «соль» как суть и нутро постперестроечного Владивостока [20. С. 40]. С 1993 г. здесь располагается крупнейший в стране рынок подержанных японских машин.

Особо богат путеводитель на городские ориентиры, они представлены множеством глав. Часть ориентиров отнесем к историко-культурным (Владивостокская крепость, Миллионка, подлюдка С-56, памятники, гостиница «Версаль», в которой бывали многие знаменитые люди). Историко-культурные ориентиры действуют как опознавательные знаки, посредством которых и конструируются туристические объекты. Визитной карточкой города автор считает район Миллионки, который в ментальной карте выполняет несколько функций: и района проживания населения в самом центре города, и функцию опознаваемости. В начале XX в. Миллионку населяли китайцы, здесь находились злачные места. Как пишет один из современных путешественников, «Миллионка что-то похожее на одесскую Молдованку, но посуравей, покирпичней, потесней» [21]. В «Глобусе» Миллионка «характеризуется обилием краснокирпичных хрущоб, с характерными арками, балкончиками, лабиринтами» [20. С. 69]. Противоречивое сочетание качеств лучшего – визитная карточка города – с применением экспрессивного речевого окказионализма – хрущобы – передает точную характеристику места как злачного, но в то же время и притягательного.

Другая часть ориентиров, обозначим их как ориентиры Власти, немногочисленна. Автор использует жаргонизмы «Белый дом» и «Серый дом». В первом варианте это высотное здание краевой администрации, доминирующее над остальной территорией, а во втором – здание городской мэрии. Помимо неофициального именованья (Белый, Серый) используется прием двусмысленности: «Белый дом – он же Зуб мудрости, он же Член КПСС [20. С. 13].

И третья часть ориентиров, архитектурная, также незначительна. В путеводителе упоминается бывший магазин «Зеленые кирпичики» и жилой дом «Серая лошадь», хотя архитектура старой, исторической части города имеет немало достойных внимания зданий [22, 23].

Более всего в тексте представлены ориентиры другого порядка. Строго говоря, по схеме К. Линча, их совсем нельзя считать ориентирами по той причине, что они не входят в архитектурный городской ландшафт. Множество глав описывает природные объекты. Это уникальные растения приморской тайги, которые в пространстве города не встречаются (багульник, женьшень, лимонник и лотос), кроме прочего, автор описывает обитателей моря – гребешков, кальмаров, трепангов и пр. Таким образом, репрезентируя биологические формы жизни как знаковые городские объекты, автор причисляет их к городским формам жизни, что соответствует идеям акторно-сетевой теории.

Попытаемся собрать более сложную мозаику, выделив разные «сети» в ментальной/когнитивной карте. Сети образуются некоторыми устойчивыми множествами (событиями, именами, вещами), и пока отношения между ними стабильные, сеть сохраняется [9].

Первая сеть – это историко-культурный образ города, это своеобразный *отпечаток* города, его прошлое, его археология. Он не проживаем, а только вообразим, это вымышленный город. Очевидно, что такой *город-отпечаток* существует в любом городском пространстве с прошлым. В чем специфичность этого образа в «Глобусе Владивостока»? В «Глобусе» воедино соединены четыре именованя города: Владивосток (по легенде имя города связано с фразой графа Н. Муравьева-Амурского: «Владеть Востоком»), порт Мэй (Port May – это английское название, существующее на морских картах с 1854–1856 гг.), Хайшеньвэй (таково китайское название, возникшее раньше, чем русское) и Урадзиосутоку (японское название) [20. С. 20]. Еще раз упомянем об интересе автора к старым историческим названиям улиц города: Американская, Пекинская, Корейская, Японская. А также существующее во всех путеводителях по городу (и «Глобус...» не исключение) указание на «турецкое происхождение» названий «Золотой Рог» и «Босфор Восточный». Кроме этого, в словнике выделена глава с названием «Де-Фриз», полуострова ничем особо не примечательного: «...назван в честь жителя Владивостока с англо-голландскими корнями и французской фамилией» [20. С. 31].

Укажем на еще одну точку зрения автора в отношении города: «то ли азиатский, то ли европейский...» [20. С. 20]. В итоге складывается сеть города как *города-космополита*, в котором сходятся нити со всех концов света (или, наоборот, расходятся). Эта космополитическая сеть дополнена именами путешественников, бывавших во Владивостоке, – Р. Амудсенем, Ф. Нансенем (именно Нансену принадлежит сравнение города с Неаполем). Эту же сеть продолжают и литературоведческие эскизы автора: о Сомерсете Моэме, А.П. Чехове, С. Довлатове (отец которого жил во Владивостоке), В. Марте и К. Бальмонте и многих других. Таким образом, ядро историко-культурной сети образа города в «Глобусе...» (именно сейчас, на наш взгляд, уместно обратить внимание и на значение слова «глобус» в названии книги) выражено в идее космополитизма как изначально присущей черте.

Другое ядро – образ настоящего, город современности. В путеводителе настоящее города выстраивается так же, как *сеть* событий, вещей, объектов, идей. Глава «Правый руль» начинается с ироничной аллюзии: «Наше все». Затем дополняется оценкой («он лучше, чем левый») и определением значимости: «правому рулю скоро во Владивостоке поставят памятник» [20. С. 86]. Речь идет о японских автомобилях, руль управления которых находится справа, а не слева, как принято правилами дорожного движения в России. Продолжим формирование сети: акцентуация на контрольном пункте ГАИ как месте, особо примечаемом горожанами; выделение гостиницы, не претендующей на статус городской достопримечательности («Гранит»: непафосная гостиница, облюбована заезжими перегонщиками машин и славится распушенностью нравов). Сеть дополняется словарными статьями «объектов-вещей»: еж (линейка автомобильных двигателей), конструктор (японская машина, ввезенная и растаможенная по частям). И далее перечисляются популярные во Владивостоке марки японских автомобилей. Сеть «праворульного» города «органически» расширяется криминальной составляющей: Партизанский проспект (в обиходе под этим названием имеют в виду местное СИЗО), «Третья смена», «приморские партизаны» (название криминальной группы, в связи с которым семантика номинации Партизанский проспект

стала трактоваться иначе, чем при первоначальном именовании), «химка», В. Николаев («Винни-Пух», первый мэр города, арестованный и осужденный прямо при исполнении должностных обязанностей) [20. С. 25, 76, 84, 108].

Сеть современного города в «Глобусе...» складывается из неформальной экономики, связанной с торговлей подержанными японскими машинами, из самого высокого в стране уровня автомобилизации на душу населения и криминала. Автор приводит текст хита музыкальной группы ПанфиLove «Море воды», в котором Владивосток «знаменит своей погодой, криминалом и Главой (города. – Л.Г.)» [20. С. 59].

Третья пространственная сеть города связана с метафорой «море воды», т.е. с его природным, географическим расположением на берегу Тихого океана. По числу глав в словнике, отведенном под «морскую лексику», эта сеть наиболее значительна. Сюда входит уже упоминавшийся нами «бичхолл» с использованием приема двусмысленности: «Иногда кажется, что весь город – один большой бичхолл» [20. С. 14]. Сеть охватывает городские бухты, морских обитателей, памятник адмиралу Макарову, авианосец «Минск», острова, морские учебные заведения, фрегаты «Паллада» и «Надежда», «наш советский Сан-Франциско», сопки, тайфун, пляж Шамора, первую женщину капитана, маяк, торговый порт, валютный магазин «Альбатрос», в котором в советское время можно было отоваривать выдаваемые морякам «бонны» – чеки Внешторгбанка [20. С. 137] – все это и есть сеть «моря воды», включающая людей, морских обитателей, материальные объекты, географическую среду, образовательные и культурные институции.

Сети второго и третьего порядка – это проживаемая автором современность. Они узнаваемы и присутствуют в повседневности городского жителя. В этом случае мы можем говорить не столько об авторских репрезентациях, сколько о стереотипных. Автор ссылается на общеизвестную городскую максиму: «после работы каждый уважающий себя житель Владивостока должен потаксовать, искупаться и порыбачить» [20. С. 65]. Таким образом, самоидентификация жителей основана на образе морского и самого автомобилизованного города страны.

Соединяя вместе три выделенные нами пространственно-временные сети в путеводителе (сеть прошлого как «города-космополита», сеть настоящего как «города неформальной экономики», природную сеть как «море воды»), выделим четвертую сеть, которая пронизывает иногда явно, иногда неявно все предыдущие. Обозначим ее как парадоксальную. По нашему мнению, ядро авторского дискурса о городе кроется в обнаружении парадоксального (др.-греч. *παράδοξος* – неожиданный, странный) [24]. Обратимся к тексту и процитируем до конца ироничную фразу, о которой упоминалось выше: «Лучший город Земли, то ли азиатский, то ли европейский, то ли южный, то ли северный, то ли благословенный, то ли проклятый» [20. С. 20].

Рассмотрим далее сеть парадоксальных репрезентаций. Как уже отмечалось, в главе «Транссиб» автор указывает на различающееся расстояние в направлении Владивосток – Москва и обратно: в одну сторону – 9 298 км, а в другую – на десять меньше. Парадоксальный характер носят сведения о владивостокском климате: то ли южный курортный город, то ли северный. Автор цитирует известную фразу из городского фольклора, обыгрывающую местоположение города: «широта крымская, долгота колымская» [20. С. 102].

Парадоксально преобладание на дорогах автомобилей с правым рулем в стране, где правилами принято левостороннее движение. Отношение к городу, существующему против всяких правил, проявляется в ироничном описании городского ландшафта. Автор пишет о сопках, ветре и крутых улицах, расположенных почти вертикально: «Человек, когда-то нарекший эту улицу Пологой, имел очень своеобразное чувство юмора» [20. С. 85]. Парадоксальность, жизнь не «по-правилам» дискурсивно выражена и в определении автором жанра книги: комментарии к ненаписанному роману, т.е. к тому, чего нет. Именно парадоксальность, не-норма, создает трудности в процессах самоидентификации горожан, как отмечает автор, «налицо кризис самоидентификации» [20. С. 89]. В этом направлении – намеренного усиления двусмысленности – задействованы и авторские приемы остроумия. Остроумие как форма проявления оценочного отношения к действительности органично вписывается в дискурсивную сеть парадоксальности.

Подведем некоторые итоги. В строе авторского художественного стиля переплетаются различные дискурсивные жанры: документально-исторический, литературоведческий, мифологизирующий и бытовой/стереотипный. Однако преобладающим все же является бытовой/стереотипный с использованием приемов речевого окказионализма, экспрессивно-эмоциональной лексики, иронии. Через трансляцию фоновых знаний (бытовой/стереотипный жанр) реализуется прагматическая функция текста.

Использование акторно-сетевого подхода позволило выделить три пространственно-временные сети в образе города: сеть прошлого как «города-космополита», сеть настоящего как «города неформальной экономики», геоландшафтную сеть как «море воды». Специфика когнитивной репрезентации автора выражается в четвертой сети: «жизни не-по-правилам» – парадоксальности, которая сплетает воедино все предыдущие и представляет когнитивный фрейм, определяющий доминирующую дискурсивную практику автора. В этом же направлении работают преобладающие в тексте риторические приемы двусмысленности, гиперболизации, иронии. Зададим последний вопрос: это специфика авторской репрезентации, авторский взгляд, или типичный стиль «русских разговоров»? На наш взгляд, репрезентация парадоксальности может опосредовано указывать на присущий «русским разговорам» дискурс абсурдности русского мира [25. С. 95]. В этом же направлении, как вариант «русских разговоров», функционирует и преобладающий в тексте повседневно-бытовой жанр дискурса. Фрейм парадоксальности как смягченный вариант не дотягивает до «абсурдности» тем, что отсутствует крайность, кромешность, но, тем не менее, сохраняет свою основу – противоречивость.

Список источников

1. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 23–34.
2. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петроград, 1922. URL: http://www.wmos.ru/book/detail.php?PAGEN_1=11&ID=4255#nav_start (дата обращения: 8.12.2018).
3. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
4. Алексеевский М., Лурье М., Сенькина А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 375–422.
5. Ахметова М., Лурье М. Материалы бологовских экспедиций // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 336–356.

6. Разумова И.А. Культурные ландшафты Кольского Севера. Города у «Большой воды» и Хибин. СПб. : ГАМАС, 2009. 160 с.
7. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. 2016. № 3. С. 77–100.
8. Фэркло Н. Диалектика дискурса // Современный дискурс-анализ. URL: <http://discourse-analysis.org/ada1/st9.shtml> (дата обращения: 12.12.2019).
9. Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 223–244.
10. Вахитайн В. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–39.
11. Соля Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6 (40) С. 133–150.
12. Миллерам С. Эксперимент в социальной психологии. СПб. : Питер, 2000. 336 с.
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.com/words/29218.shtml> (дата обращения: 12.06.2019).
14. Руцинская И.И. Путеводитель как инструмент конструирования региональных достопримечательностей (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Моск. университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М. : Изд-во Московского ун-та, 2011. Вып. 1. С. 74–93.
15. Турмов Г., Хисамутдинов А. Владивосток. Исторический путеводитель. Владивосток : Изд-во Вече, 2015. 192 с.
16. Водак П. Взаимосвязь «дискурс-общество»: когнитивные подходы к критическому дискурс-анализу // Современная политическая лингвистика / сост. Э.В. Будаев и др. Екатеринбург, 2006. С. 123–136.
17. Рис Н. Отрывки русских разговоров // Этнографическое обозрение. 2006. № 5. С 6–24.
18. Линч К. Образ города. М. : Стройиздат, 1982. 328 с.
19. Рублева О.Л. Владивосток в названиях. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2010. 273 с.
20. Авченко В. Глобус Владивостока. Владивосток : ИПК Дальпресс, 2010. 143 с.
21. *Periskop*. Владивосток. Рисованные подпорные стенки. URL: <http://periskop.livejournal.com/925089.html> (дата обращения: 19.02.2014).
22. Хисамутдинов А.А. Владивосток: Этюды к истории старого города. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. 328 с.
23. Марков В. Здравствуй, Владивосток! Путеводитель-справочник. Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1988. 237 с.
24. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19900> (дата обращения: 12.06.2019).
25. Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М. : Нов. лит. обозрение, 2005. 364 с.

References

1. Simmel, G. (2002) *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [Big cities and spiritual life]. *Logos*. 3–4. pp. 23–34.
2. Antsiferov, N.P. (1922) *Dusha Peterburga* [The Soul of Petersburg]. Petrograd: [s.n.]. [Online] Available from: http://www.wmos.ru/book/detail.php? PAGEN_1=11&ID=4255#nav_start (Accessed: 8.12.2018).
3. Abashev, V.V. (2000) *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX v.* [Perm as text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century]. Perm: Perm State University.
4. Alekseevskiy, M., Lurie, M. & Senkina, A. (2010) *Legenda o pamyatnike Gogolyu v Mogileve-Podolskom: opyt kommentariya k fragmentu lokal'nogo teksta* [The legend of the monument to Gogol in Mogilev-Podolsky: An experience of commentary on a fragment of a local text]. *Antropologicheskij forum*. 12. pp. 375–422.
5. Akhmetova, M. & Lurie, M. (2005) *Materialy bologovskikh ekspeditsiy* [Materials of the Bologovsk expeditions]. *Antropologicheskij forum*. 2. pp. 336–356.
6. Razumova, I.A. (2009) *Kul'turnye landshafty Kol'skogo Severa. Goroda u "Bol'shoy vody" i Khibiny* [Cultural landscapes of the Kola North. Cities near the “Big Water” and the Khibiny Mountains]. St. Petersburg: GAMAS.
7. Kress, G. (2016) *Sotsial'naya semiotika i vyzovy multimodal'nosti* [Social semiotics and challenges of multimodality]. *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 77–100.
8. Fairelo, N. (n.d.) *Dialektika diskursa* [Dialectics of discourse]. [Online] Available from: <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.shtml> (Accessed: 12th December 2019).

9. Law, J. (2006) Ob"ekty i prostranstva [Objects and spaces]. In: Vakhstein, V. (ed.) *Sotsiologiya veshchey* [Sociology of Things]. Moscow: Territoriya budushchego. pp. 223–244.
10. Vakhstein, V. (2014) Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom [A reassembly of the city: Between language and space]. *Sotsiologiya vlasti*. 2. pp. 9–39.
11. Soya, E. (2003) Postmetropolis. Kriticheskie issledovaniya gorodov i regionov [Postmetropolis. Critical studies of cities and regions]. *Logos*. 6(40) pp. 133–150.
12. Milgram, S. (2000) *Eksperiment v sotsial'noy psikhologii* [Experiment in social psychology]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
13. Ozhegov, S.I. (n.d.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <http://www.ozhegov.com/words/29218.shtml> (Accessed: 12th June 2019).
14. Rutsinskaya, I.I. (2011) Putevoditel' kak instrument konstruirovaniya regional'nykh dostoprimechatel'nostey (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The guide as a tool for designing regional sights (the second half of the 19th – early 20th century)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1. pp. 74–93.
15. Turmov, G. & Khisamutdinov, A. (2015) *Vladivostok. Istoricheskiy putevoditel'* [Vladivostok. A Historical Guide]. Vladivostok: Veche.
16. Wodak, R. (2006) Vzaimosvyaz' "diskurs-obshchestvo": kognitivnye podkhody k kriticheskomu diskursu-analizu [Relationship "discourse-society": Cognitive approaches to critical discourse analysis]. In: Budaev, E.V. et al. *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern Political Linguistics]. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 123–136.
17. Ris, N. (2006) Otryvki russkikh razgovorov [Fragments of Russian conversations]. *Etnotraficheskoe obozrenie*. 5. pp. 6–24.
18. Lynch, K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City]. Moscow: Stroyizdat.
19. Rubleva, O.L. (2010) *Vladivostok v nazvaniyakh* [Vladivostok in onyms]. Vladivostok: Far Eastern State University.
20. Avchenko, V. (2010) *Globus Vladivostoka* [The Globe of Vladivostok]. Vladivostok: IPK Dal'press.
21. Periskop.livejournal.com. (n.d.) *Vladivostok. Risovannyye podpornyye stenki* [Vladivostok. Drawn retaining walls]. [Online] Available from: <http://periskop.livejournal.com/925089.html> (Accessed: 19th February 2014).
22. Khisamutdinov, A.A. (1992) *Vladivostok: Etyudy k istorii starogo goroda* [Vladivostok: Sketches for the History of the Old City]. Vladivostok: Far Eastern State University.
23. Markov, V. (1988) *Zdravstvuy, Vladivostok!: Putevoditel'-spravochnik* [Hello, Vladivostok!: A Guidebook]. Vladivostok: Dal'-nevost. kn. izd-vo.
24. Ozhegov, S.I. (n.d.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19900> (Accessed: 12th June 2019).
25. Ris, N. (2005) "Russkie razgovory": Kul'tura i rechevaya povsednevnost' epokhi perestroyki ["Russian conversations": Culture and speech everyday life of the era of the Perestroika]. Translated from English. Moscow: Nov. lit. obozrenie.

Сведения об авторе:

Гороховская Л.Г. – кандидат исторических наук, доцент Департамента искусств и дизайна Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия).
E-mail: gorokhovskaya.lg@dvfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gorokhovskaya L.G. – Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).
E-mail: gorokhovskaya.lg@dvfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.01.2020;
одобрена после рецензирования 24.06.2020; принята к публикации 15.02.2023.
The article was submitted 16.01.2020;
approved after reviewing 24.06.2020; accepted for publication 15.02.2023.